

ШЕПОТОМ
**Истории о тихой силе
и скрытых чувствах**

РЕКС ОГЛ

КРАСНАЯ ПАПКА

**шрамы, которые
дают крылья**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-37

Free Lunch by Rex Ogle

Copyright ©2019 by Rex Ogle

All rights reserved

Published by arrangement with the author and his literary
agents, Triada US Literary Agency (USA)
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski
Agency (Russia)

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© sabelskaya, Jane Semina, Dmitry Zyrin, wowwa, Cen Foks /
iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru;
© cako74 / DigitalVision Vectors / Getty Images Plus /
GettyImages.ru

Огл, Рекс.

О-37 Красная папка. Шрамы, которые дают кры-
лья / Рекс Огл ; [перевод с английского Н. И. Хри-
стофоровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-217286-1

Начало шестого класса приносит Рексу Оглу неприятности. В школьной столовой он расплачивается не деньгами, а купонами на бесплатный обед — и чувствует на себе взгляды более обеспеченных одноклассников. В классе его встречает учительница с предубеждениями, а его дом — это тесная квартира, где постоянно происходят семейные ссоры, запрещают жить как «обычные» подростки и обязывают заботиться о младшем брате.

Но Рекс не позволяет отчаянию взять верх. Шаг за шагом он идет к мечте о теплой семье, настоящей дружбе и уверенности в себе. Автобиографичная история о том, как надежда, любовь и упорство помогают изменить жизнь.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Христофорова Н.И., перевод
на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-217286-1

*Эта книга для каждого,
не важно, платит ли он за свой обед
или нет.*

КУПОНЫ

В животе урчит. Я сегодня пропустил завтрак не то чтобы по своему желанию. Стоит маме припарковать нашу старую двухдверную «Тойоту» у супермаркета «Крогер», я бормочу: «Ненавижу ходить по магазинам».

— Так, а что нам тогда есть? — спрашивает мама.

— Что есть? Ты никогда не покупаешь то, что я люблю.

— Когда пойдешь на работу и начнешь сам платить за продукты, сможешь покупать все, что захочешь.

— Я не могу пойти работать, я ребенок.

— Это твои проблемы. Не мои.

— Когда Лиам идет в магазин со своей мамой, она разрешает ему взять все, что он захочет. Пирожные, штрудель, шоколадки, чипсы — что угодно.

— Это потому, что Лиам — избалованный ребенок. А мама его богатая.

— Они не богатые, они просто живут в частном доме.

— Ну, они богаче нас! — кричит мама. Она выходит из машины и хлопает дверью. Я не отстегиваю ремень безопасности. Мама обегает машину и пытается открыть дверь. На это уходит некоторое время, потому что у машины большая вмятина на боку, из-за которой дверь застревает, когда ее открываешь.

Она открывает дверь рывком, и металл скрежещет о металл.

— Вылезай из машины!

— Можно мне хоть что-нибудь из того, что я хочу?

— Можешь получить по заднице, если сейчас же не выйдешь из машины.

Я смотрю прямо перед собой, не двигаясь с места. Руки скрещены на груди, словно щит. Не знаю, почему я так из-за этого злюсь. Так было всю мою жизнь. Но иногда... иногда я ненавижу свою жизнь, и мне хочется бороться. Бороться с мамой, бороться с другими детьми, бороться со всем миром. С кем угодно. Просто как-нибудь избавиться от чувства, что я бедняк.

— Считаю до трех! — рычит мама сквозь стиснутые зубы. Я вижу, как ее пальцы сжимаются в кулаки. — Раз...

— Ладно! — ору я в ответ. Выхожу из машины и захлопываю сломанную дверцу, металл скрежещет, как ногти по доске. Обычно я не уступаю. Но

когда у мамы так краснеют глаза, я понимаю, что лучше прекратить спорить.

Я вытягиваю магазинную тележку из-за загородки. Одно из ее колесиков шатается и крутится влево-вправо, вместо того чтобы ехать прямо. Я подумываю вернуть ее на место и взять другую, но потом мне становится не по себе. Тележка не виновата в том, что она такая перекошенная.

Мы проходим по одному ряду, затем — по другому. У меня слюнки текут. Полки заставлены едой — арахисовым маслом, пастой, всякой всячиной для приготовления тако или бургеров, всевозможными хлопьями, наверное, тысячью видов чипсов, соусов и сальсы, печенья, арахисовой смеси, вяленой говядины, жареных палочек моцареллы, вафель, яблочных пирогов, пончиков, десятков видов мороженого с различными вкусами.

И мне ничего из этого нельзя.

Я знаю, что лучше ни о чем не просить. Мама всегда отвечает «Нет», или «Ни за что», или «С ума сошел? Положи обратно. Это слишком дорого».

Что за глупость говорить, что пакетик картофельных чипсов стоит слишком дорого. Целая упаковка стоит около четырех баксов. Кажется, что это куча денег, но ее можно разделить на десять небольших порций. Всего по сорок центов за штуку.

Теперь у меня в животе урчит по-настоящему. Я стараюсь не обращать на это внимания, толкая пустую тележку позади мамы. Сегодня утром у нас

было хлопьев и молока примерно на полпорции одному человеку. Я встал первым и мог бы съесть все. Только я этого не сделал. Я оставил их Форду. Это мой младший брат, ему всего два года. Значит, ему это нужнее.

Мама сует мне в руку открытый конверт. Внутри — просроченный счет.

— А это для чего? — спрашиваю я.

— Смотри на обороте, глупый, — отвечает она.

На обороте — список покупок.

Почерк у мамы размашистый и корявый, его трудно разобрать, но в списке есть все, что нам нужно. Молоко. Хлопья. Хлеб. Все такое. Обычно мама придерживается этого списка, но иногда изменяет привычке, увидев желтые стикеры рядом с сегодняшними специальными предложениями или уцененными товарами.

— Смотри! Говяжий фарш за доллар! — говорит она.

По правде сказать, мясо какого-то странного коричневого цвета. Я морщусь.

— Сырая говядина должна быть розовой.

Мама закатывает глаза, укладывая мясо в тележку.

— Эта еще хорошая. Главное — хорошо прожарить.

Переходя от одного ряда к другому, я замечаю продавщицу с бесплатными образцами для дегустации. Я оставляю тележку и бегу к ней. Она улыбается и спрашивает:

— Не хотите ли попробовать колбасу «Мейплвуд»?

Я беру маленький кусочек с воткнутой в него зубочисткой, обмакиваю его в горчицу и отправляю в рот. Как же вкусно! Только слишком мало... Прежде чем продавщица успеает возразить, я беру еще два кусочка. Улыбаюсь и говорю: «Спасибо».

— Мам, там попробовать дают, — показываю я. — Так вкусно. Может, купим?

Мама не обращает на меня внимания. Она слишком занята рытьем в папке купонов. Каждую неделю она тратит все воскресенье на вырезание купонов из газет. А за продуктами мы ходим только по вторникам, потому что по вторникам действуют *двойные купоны*.

— Ага! — победоносно восклицает мама. — Этот купон дает скидку в два доллара! А двойная скидка означает экономию в четыре доллара!

— Раз уж ты сэкономишь четыре доллара, давай купим упаковку макарон с сыром?

— Нет.

— Но Форд их любит.

— Он еще маленький, у него нет ничего любимого.

За углом нас встречает другой продавец с образцами для дегустации. У этого парня сыр и крекеры. Только нигде не видно надписи «бесплатно».

— Это бесплатно? — вежливо спрашиваю я.

Он бросает на меня неприязненный взгляд.

— Если потом купите.

— Эй! — кричит мама. — Я не вижу, где тут написано, что покупать обязательно. Рекс, давай. Ешь сколько хочешь.

Я чувствую, что краснею. Есть хочется, но вот вести себя по-хамски — нет. Я беру самый маленький крекер с кусочком сыра на нем и шепчу: «Спасибо».

— Не благодари его, — огрызается мама, свирепо глядя на продавца. — Думает, что лучше нас, а сам продает сыр.

Продавец сыра бормочет себе под нос: «Сброд из трейлерного парка».

— А мы больше не живем в трейлере! — кричит ему мама. — Так-то вот!

Она берется за ручку тележки, и мы отчаливаем. Я испытываю облегчение. На секунду мне показалось, что она полезет в драку. Ей не впервой. Моя мама мало чего боится. Конфликтов — уж точно нет.

Несколько минут спустя, когда мы подходим к кассе, мама все еще на взводе и разговаривает сама с собой, как сумасшедшая.

— Смотрит на нас свысока. Он даже не знает меня. Он не в курсе моей ситуации. Думает, что он чем-то лучше. Пошел он к черту.

На кассе я перекладываю товары из тележки на ленту конвейера. Кассирша наблюдает за мной, пока я рассматриваю стеллажи с конфетами. Кассиры всегда смотрят на меня так, словно хотят понять, не собираюсь ли я что-нибудь стянуть. Как будто я виноват, что у меня одежда из секунд-хенда.

Пока кассирша пробивает товар, мама достает кошелек. Она пересчитывает деньги, только они выглядят не как обычно. Я никогда раньше таких не видел. Похожи на игрушечные деньги, как в игре «Монополия». Все такие яркие, и написано «Талон на питание».

— Что это? — спрашиваю я.

— Не лезь, — огрызается мама и подталкивает меня к концу прилавка. — Не стой столбом, пакуй продукты.

Кассир заканчивает сканирование, затем делает скидку по купонам. Называет сумму. Мама протягивает ей странные деньги, похожие на фальшивые. Кассир нажимает на какие-то кнопки и говорит:

— С учетом талонов на питание с вас десять долларов и тридцать восемь центов.

— А что такое талоны на питание? — интересуюсь я.

— Не лезь, — повторяет мама, но на этот раз смотрит на меня сердито.

Талоны — это для очереди на почте. Мама что, собирается отправлять еду нам домой по почте? Но это же глупо. Мы приехали сюда на машине, так что можем отвезти продукты домой, как обычно.

Мама высыпает из кошелька всю наличность и мелочь. Она разворачивает восемь однодолларовых купюр, затем отсчитывает 97 центов, в основном монетками по центу. Ее руки напрягаются, пальцы становятся похожими на когти.

— У меня немного не хватает, — говорит она.

Кассирша пожимает плечами, хотя она явно очень раздражена. Я вижу это по ее лицу. Женщина с полной тележкой позади нас разводит руками и восклицает: «Чего так долго?» Мужчина, стоящий дальше, покашливает. Ощущение, что все смотрят на нас с разочарованием. Лицо мамы напряжено, на лбу вздулась вена. Кажется, она чувствует себя неловко. Я тоже.

Мама достает из коричневого пакета буханку хлеба и протягивает ее кассиру.

— Вот! Уберите это. Довольны?

И так каждый раз. Только почему-то в этот раз все еще хуже. Может, из-за талонов на питание? Мама выглядит пристыженной. Люди пялятся на нас. Я просматриваю список покупок. Мы не купили и половины. На все не хватает денег.

Между мной и мамой повисает молчание. Я отношу единственную сумку к машине и кладу ее на заднее сиденье. Сажусь вперед и вижу, что мама плачет. Я не знаю, что сказать, поэтому молчу.

Так мы сидим долго.

Я пробую положить руку на ее ладонь, но она меня отталкивает.

— Не трогай меня! Это ты виноват! Ты вообще понимаешь, как дорого содержать такого неблагодарного спиногрыза?!

В животе у меня тянет. Не знаю, из-за чего — от злости, грусти или голода. Может быть, от всего сразу.

Министры, священники, буддийские монахи и ведущие ток-шоу — люди, должно быть, неглупые — постоянно твердят, что «деньги — это еще не все» или «все лучшее в жизни бесплатно». Они ошибаются.

Деньги решают *все*.

Все лучшее в жизни *не* бесплатно.

И не надо глупостей вроде «любовь бесплатна». Потому что это не так. Забота о людях, которых ты любишь, стоит денег. Когда у мамы нет работы, она всегда расстроена и печальна и не может любить меня как нормальная мама. Она злится из-за каждой мелочи. Нет работы — значит, нет денег, поэтому нет ни продуктов, ни электричества. Из-за этого из моей мамы уходит вся любовь, как воздух из воздушного шарика. А кому нужен пустой воздушный шарик?

Когда мама работает, она становится добрее. Она определенно любит меня больше, когда у нее есть деньги, потому что она может позволить себе покупать продукты и вовремя оплачивать аренду, счета и все прочее — она может мыслить здраво. Она помнит, что я ей небезразличен.

Так что не надо говорить, что любовь бесплатна. Я знаю правду. В этом мире нет *ничего* бесплатного. Каждая мелочь чего-то стоит.

Но почему-то, когда ты беден, вещи стоят на много дороже.